Пути сельского развития России и Китая

А.А. Куракин

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-201-207

20 мая 2019 года в РАНХиГС (Москва) состоялась вторая китайско-российская конференция аграрников. Первая — в рамках сотрудничества БИКАС — прошла в 2018 году в Пекине, и через год настало время ответного визита.

В докладах китайских коллег красной нитью проходила тема сельского возрождения, что явилось реакцией на принятую на очередном съезде КПК конкретную программу сельского развития. Российские коллеги сосредоточились на структурном описании состояния сельского хозяйства и сельских территорий, а также динамике их изменений. Исходя из этого мы попытались структурировать описание докладов по страновому принципу.

Программа сельского возрождения Китая

Рассмотрению крестьянского вопроса в Китае посвящен доклад *Лю Пан* (Китайский сельскохозяйственный университет). Автор рассмотрела меняющиеся роли и место крестьянства в социально-экономической трансформации китайской экономики и китайского общества. Крестьянство занимало и занимает центральное место как в китайском обществе, так и в социальных науках Китая. Первоначально крестьянство считалось наиболее подчиненным и эксплуатируемым классом, который нужно освободить. В ходе коммунистической революции крестьянство следовало сделать союзником в революционной борьбе, а в дальнейшем дать крестьянам образование. Начиная с 1950-х годов крестьянство стало рассматриваться как главная сила экономического развития. Автор последовательно фокусируется на различных сторонах крестьянского вопроса, которые выходили на передний план развития китайского общества: 1) крестьянский вопрос как вопрос производства, 2) крестьянский вопрос как вопрос политический, 3) крестьянский вопрос как вопрос аккумуляции. Решение всех этих накопившихся вопросов ле-

жит в основе программы сельского возрождения, проводимой в современном Китае.

Профессор Китайского народного университета *Тьехун Вен* представил доклад о том, как крестьяне спасали Китай. По его словам, это случалось три раза: в 1950-х, 1980-х и 2010-х годах. Спасать же Китай, по словам профессора, нужно было от кризисов модернизации. В каждый из периодов кризис имел свои особенности, но выход из них начинался с проведения земельных реформ. В результате на селе был создан обширный класс мелких собственников земли (конечно, с китайской спецификой прав собственности), которые и вытаскивали Китай из вышеупомянутых кризисов, а также послужили основой для полувекового процесса индустриализации страны. В 1950-х годах глубокая инфляция была погашена за счет того, что около 100 млн сельских домохозяйств абсорбировали 70% избыточной денежной массы при инвестировании в собственное сельскохозяйственное производство. В 1980-х годах грянул острейший кризис бюджетного дефицита, который был разрешен посредством либерализации рынка труда, в результате чего более 100 млн сельских жителей стали наемными работниками в создаваемой сельской промышленности, расширив тем самым внутренний спрос и составив костяк бурно развивавшихся негосударственных предприятий. В 2010-х годах в разгар мирового финансового кризиса заработала программа возрождения села, которая предполагает перелив избыточного капитала в сельскую местность, для чего право владения землей было отделено от права использования земли.

Последний сюжет теоретически развил *Цзинцон Е* (Китайский сельскохозяйственный университет) в своем выступлении о стратегии сельского возрождения в Китае. Он описал видение этой программы с позиции КПК и правительства, представил основные решения и официальные документы, а также кратко изложил историю появления программы возрождения села, связав ее с предыдущими моделями сельского развития Китая. Основное содержание доклада составил анализ программы возрождения села с точки зрения различных теоретических концепций аграрного развития. Для того чтобы можно было корректно сравнивать теоретические подходы, профессор Е выбрал четыре измерения: 1) сельское хозяйство, 2) сельская местность, 3) земля, 4) крестьяне. В качестве теорий, которые предлагают свои ответы и решения по вышеупомянутым четырем измерениям, Е рассмотрел марксизм, народничество, неоклассическую и неоинституциональную экономическую теории, постмодернизм/постструктурализм и устойчивое сельское развитие. Е делает вывод, что сложная природа процессов сельского возрождения приводит к необходимости междисциплинарного анализа, когда ни одна из рассмотренных теорий не может полностью объяснить объект, но в то же время предлагает ценные идеи. Тем не менее, учитывая социалистическую природу Китая, в качестве системообразующего подхода Е предлагает марксизм.

Иной фокус рассмотрения китайской аграрной политики представил в своем докладе *Лейжен Цанг* (Китайский сельскохозяйственный университет). Он изучил то, как освещаются вопросы сельского хозяйства и сельского развития в официальной китайской прессе. В качестве объекта он взял «Народную газету» — рупор партии и правительства КНР. Вопросы сельского хозяйства и сельских территорий рассматриваются в этой газете главным образом в контексте социальной стабильности, экономического развития и борьбы с бедностью. Акцентирование сельской тематики в прессе четко связано с проведением тех или иных реформ и решений партии, которые затрагивают вопросы села. Иными словами, газета является инструментом управления вниманием населения, поэтому ее анализ может предсказывать то, насколько важное место занимают сельские вопросы в повестке дня китайского правительства.

Хуйфанг Ву (Китайский сельскохозяйственный университет) представила результаты антропологического исследования одной деревни на юго-востоке Китая. За период с 1980-х по 2019 год деревня прошла 5 этапов аграрных трансформаций: 1) формирование системы ответственности домохозяйств, когда каждая семья получила долю в коллективной земельной собственности, 2) трудовая миграция и неформальная передача земли, 3) приход капитала в сельское хозяйство, формальная передача земли и возникновение крупных ферм, 4) уход капитала из сельского хозяйства и заброшенные земли, 5) новый приход капитала в сельское хозяйство, регулирование передачи земли и диверсификация сельскохозяйственного производства. Даже перечисление этапов, во время которых каждый раз переформатировалась жизнь в деревне, подсказывает крайнюю зависимость села от внешних факторов (будь то государство или капитал). На сегодня пришло понимание, что жизнестойкость деревни зависит от появления нового поколения крестьян и превращения деревни из места, где живут сельхозпроизводители, в место, где живут владельцы земельных долей.

Аграрные структуры России

Наталья Шагайда (РАНХиГС) представила обзорный доклад о структуре сельского хозяйства России и динамике ее изменений. В качестве начальной точки докладчик выбрала реформы 1990-х гг., описала основные принципы этих реформ и их результаты. Структурная динамика рассматривалась с точки зрения типа сельскохозяйственных предприятий (СХО, КФХ, ЛПХ) и региональной дифференциации. В качестве центральной темы автор выбрала вопросы концентрации (земли, капитала, производства, доходов), приватизации, деколлективизации. Характерной чертой современного состояния сельского хозяйства автор считает очаговую или точечную концентрацию. В связи с этим автор ставит на обсуждение два во-

проса, которые пока не имеют ответа. Вопрос первый: возможно ли устойчивое развитие при точечном росте, когда за пределами точек роста развития не наблюдается? Вопрос второй: ограничивает или стимулирует развитие сельского хозяйства в масштабах страны концентрация государственной поддержки, производства и новых технологий в руках ограниченного числа частных предприятий?

Татьяна Нефедова (Институт географии РАН) рассказала о социальной трансформации сельских пространств в России. Красной нитью в докладе проходит тезис о поляризации пространства. Это экономическая поляризация на богатые и бедные сельские территории и предприятия, а также социальная поляризация, связанная с миграционными процессами и старением сельского населения, с разрушением сельской инфраструктуры и заброшенными сельскими поселениями. Это поляризация между севером и югом страны, а также между центром и периферией (стягивание социальной и экономической жизни к центрам и запустеванием периферийных территорий). Отдельно автор поднимает вопрос внутренней периферии, т.е. староосвоенного пространства между центрами. Нефедова утверждает, что остается крайне мало внутренних ресурсов для того, чтобы переломить тенденцию к сельскому запустению в периферийных районах (в этом плане она отдельно рассматривает феномен дач, безусловно, интересный для незнакомых с этим явлением китайских коллег).

Штефан Мерль (Билефельдский университет) представил доклад «Сельскохозяйственная трансформация в России с 1987 по 2019 год», рассматривая объект, как он сам выразился, «с немецкой точки зрения». Подчеркивая крайне неэффективное сельское хозяйство СССР, Мерль не берется однозначно оценивать и рыночные реформы 1990-х годов. С одной стороны, общую идеологию реформ он считает правильной, но результаты ее довольно неоднозначны. Во-первых, проблемы 1990-х годов, да и сегодняшние также, в определенной степени проистекают из наследия коллективного советского сельского хозяйства, которое еще не преодолено. Во-вторых, Мерль считает, что опасения в начале 1990-х гг., что сельское хозяйство не способно произвести достаточное количество продовольствия, оказались неверными, а пустые прилавки были следствием иных причин (потерями при уборке, транспортом, хранением, переработкой, торговлей). В результате совершались ошибки в аграрной политике. Успех фермерского движения также трудно оценить из-за недостатка надежной информации. Несмотря на противоречивость современной аграрной политики, по формальным показателям современное сельское хозяйство России переживает, видимо, лучшие времена, если рассматривать ее в исторической перспективе.

Вызовам сельского развития, стоящим перед российским правительством, посвящен доклад *Евгении Серовой* (НИУ ВШЭ). Автор перечислила основные проблемы, решение которых требует прове-

дения определенной социально-экономической политики: 1) слабое освоение азиатской части страны, 2) исчезновение сельских поселений (особенно на Севере и в Нечерноземье), 3) непривлекательные условия жизни на селе по сравнению с городами, 4) ухудшающийся человеческий капитал на селе (старение, низкое образование, алкоголизм и девиантное поведение). Автор проанализировала государственные программы по развитию села начиная с 2015 года и предлагает подход, в рамках которого: 1) новая колонизация сельской местности возможна лишь при создании там достойных условий жизни, 2) более серьезная задача — выравнивание условий жизни по сравнению с городами (подобные программы разрабатывались еще в советское время), 3) новые критерии к созданию удовлетворительной физической и социальной инфраструктуры, как то: широкополосный интернет, удаленный доступ к образовательным и медицинским услугам, автономные источники воды и энергии, 4) поддержка местных инициатив, проектный подход.

Вопросам трудоустройства сельских жителей и сельским рынкам труда в Европейской России был посвящен доклад *Ксении Аверкиевой* (Институт географии РАН). Автор представила структуру занятости на селе (как по сфере занятости, так и по типу занятости) и различные количественные оценки элементов данной структуры. В качестве основных тенденций занятости в сельском хозяйстве Аверкиева отмечает следующие: 1) уменьшение занятых в сельском хозяйстве (из-за модернизации и территориально-структурной перестройки отрасли), 2) индустриализация сельского хозяйства, который перестраивает сельский образ жизни, 3) увеличение числа городских жителей, занятых в сельском хозяйстве, 4) увеличение доли мужчин, занятых в сельском хозяйстве, 5) сельскохозяйственные работники озабочены не столько уровнем зарплат, сколько условиями труда. В результате сельское хозяйство в России уже потеряло доминирующее положение на сельских рынках труда, и одновременно сельские жители теснятся горожанами в сельскохозяйственной занятости. Значительной остается доля неформально занятных в сельском хозяйстве (самозанятые на своих ЛПХ), но их число неуклонно снижается.

Александр Куракин (НИУ ВШЭ, РАНХиГС) в своем выступлении обрисовал положение КФХ и ЛПХ в сложившейся в российском сельском хозяйстве системе государственного капитализма. Динамика была продемонстрирована на сравнении результатов двух сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов. Можно отметить следующее. Начавшиеся еще в советское время процессы урбанизации и появление излишка рабочих рук в сельском хозяйстве продолжаются и еще не завершены. В связи с этим сельское хозяйство и сельский образ жизни перестают быть синонимами, и чем скорее это разъединение станет учитываться при проведении социально-экономической политики, тем эффективнее она окажется. Сельские районы Севера и Центрального Нечернозе-

мья являются наиболее уязвимыми, т.к. сельское производство оттуда неумолимо уходит и не замещается ничем (вследствие этого уходят и люди). Сельское производство переместилось на юг, создавая там конфликты и напряженность. ЛПХ в целом испытывают стагнацию и дифференциацию, т.е. возникновение, с одной стороны, крупных, специализированных ЛПХ и, с другой, отказ от сельскохозяйственного производства в принципе. КФХ, несмотря на все трудности, оказались жизнестойкими и демонстрируют хорошие результаты в последнее время. Среди них также идет специализация и дифференциация, но в целом наблюдается тенденция к превращению их в стандартных капиталистических производителей.

Алексей Наумов (МГУ, НИУ ВШЭ) рассказал о вызовах развития сельского хозяйства и сельских территорий российского Севера. Он выделяет три этапа сельскохозяйственного освоения северных территорий: 1) традиционное крестьянское хозяйство, 2) подсобное сельскохозяйственное производство при промышленных предприятиях, 3) «умное» устойчивое сельское хозяйство. Автор показал динамику производства различных культур в регионах Крайнего Севера и севера Европейской части России, демонстрируя значительные перемены и адаптацию производства к современным условиям (в частности, отказ от производства ряда культур, ранее производившихся в советском плановом хозяйстве). Применительно к подобным несельскохозяйственным регионам особую важность приобретает разделение вопросов развития села и сельского хозяйства. Решение проблем сельского хозяйства и сельского развития Наумов показал на примерах Якутии и Карелии.

Рената Янбых (НИУ ВШЭ) в своем докладе объяснила, почему государственная поддержка сельскохозяйственных кооперативов в России не приводит к положительным результатам. Данные исследований кооперативов Костромской, Пензенской и Ульяновской областей привели автора к выводу о том, что основные трудности лежат в области взаимоотношений между членами кооператива. Если не сложились отношения, благоприятные для осуществления кооперативной деятельности, то никакая государственная поддержка не поможет, а лишь спровоцирует создание фейковых кооперативов, нацеленных на освоение государственных средств. Автор выделяет три типа кооперативов согласно их целеполаганию: бизнес-ориентированные, социально-ориентированные и смешанные. Социально-ориентированные кооперативы не способны функционировать без постоянной поддержки и опеки со стороны местной администрации. Но даже в бизнес-ориентированных кооперативах их члены не всегда понимают особенности кооперативной организации и ведут себя как будто являются членами обычной коммерческой организации. Дополнительные трудности вызывает увеличение масштабов кооператива, т. к. приводит к необходимости

формализовать многие управленческие процессы, которые должны поддерживать кооперативные принципы. Без понимания последних формализация приводит к ускоренному вырождению кооператива.

Ways of rural development of Russia and China

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Economics, 101100, Moscow, Myasnitskaya St., 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru